

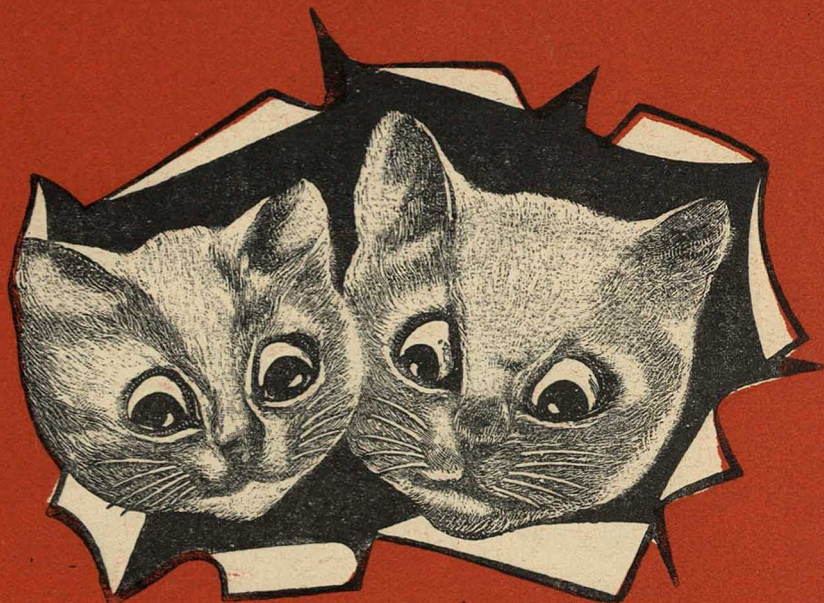
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ.
СОВУШКА.
ВЪ САДУ ЗИМОЙ.
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ЗЕРКАЛО ПРИНЦЕССЫ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Хуторокъ—для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

... Это были для меня минуты ужаса.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ.

На кустахъ рябины покраснѣли кисти,
Скучны и печальны голыя поля,
По аллеямъ сада вѣтеръ кружить листья,
Тихо вдоль ограды стонуть тополя.

Точно рядъ могилوکъ, грядки опустѣли.
Помню я надъ ними гомонъ птичьихъ стай.
Какъ онѣ душисто зацвѣли въ апрѣлѣ!
Какъ пестро и ярко ихъ украсилъ май!

Но цвѣты увяли и листва поблекла
И, верхи деревьевъ злобно шевеля,
Вѣтеръ кружить листья, дождь стучится въ стекла,
Тихо вдоль ограды ропщутъ тополя.

Е. Селунская.

СОВУШКА.

Моя мать говорила мнѣ, что нашъ отецъ долго отыскивалъ мѣсто для гнѣзда и наконецъ нашелъ его въ расщелинѣ скалы, поднимавшейся недалеко отъ деревни и сплошь заросшей кустарникомъ. Здѣсь была постоянная тѣнь, было сыровато, и наши родители считали себя въ безопасности. Не обложивъ ничѣмъ гнѣздо, даже не устлавъ его перьями и сухими листьями, какъ это дѣлають другія птицы, наша мать снесла въ него шесть шероховатыхъ яицъ и сѣла ихъ высидывать.

— Жаль, жаль, говорилъ ей нашъ отецъ. — Нѣкоторыя совы высидываютъ сразу по десяти птенцовъ, а у насъ ихъ будетъ всего только шесть! Очень жаль!

— Не безпокойся, отвѣтила ему мать, — бываетъ и такъ, что совы высидываютъ всего только двухъ птенцовъ. Были-бы только всѣ дѣти здоровы, да умны, а сколько ихъ — безразлично.

Черезъ двадцать дней мы появились на свѣтъ. Мы были очень малы и потѣшны. Маленькіе, кругленькіе, всѣ въ пуху и похожіе

на шарики, мы глядѣли своими громадными круглыми, выпуклыми глазами и все насъ удивляло: и наше голое, неудобное гнѣздо, и проникавшій къ намъ дневной свѣтъ, отъ котораго мы щурились, и то, какъ сокращались и расширялись при каждомъ дыханіи зрачки у нашихъ родителей

— Ъсть! Ъсть! закричали мы. Мать вздохнула.

— Ну, дѣлать нечего, дѣтки! Потерпите! сказала она. Днемъ намъ ничего не найти. Вотъ настанетъ ночь, тогда вашъ отецъ отправится на охоту.

Такъ мы и провели весь день безъ ѣды. Когда-же наступилъ вечеръ, то отецъ вылѣзъ изъ норки, оглядѣлся кругомъ, расправилъ перья и крылья и затѣмъ беззвучно полетѣлъ куда-то далеко. Скоро онъ вернулся съ мышью въ клювъ. Мы всѣ разинули рты.

— Мнѣ! Мнѣ! закричалъ каждый изъ насъ.—Мнѣ первому! Мнѣ!

Но отецъ отдалъ мышку матери.

— Прежде надо накормить вашу мать, сказалъ онъ,—а потомъ уже дойдетъ очередь и до васъ.

Мать схватила мышку лапкой, которая вся была у нея въ пуху, точно въ перчаткѣ, поднесла ее къ клюву, схватила ее цѣликомъ въ ротъ и вдругъ стала дѣлать какія-то странныя плотательныя движенія.

— Она давится! закричали мы въ испугѣ.—Она подавилась!

— Не подавится! успокоилъ насъ отецъ.—Такъ ѣдятъ всѣ совы!

Затѣмъ онъ улетѣлъ и всю ночь таскалъ намъ то мышей, то крысенятъ и мы ѣли ихъ и такъ-же давились, какъ и наша мать. Только подъ утро онъ возвратился къ намъ въ гнѣздо и мы всѣ спали, подбившись подъ мать. Раза два или три я просыпалась, но мнѣ было непріятно глядѣть на дневной свѣтъ, и я снова зажмуривалась и прятала голову подъ мать.

Всю слѣдующую ночь мы оставались въ нашей норѣ одни. Теперь уже въ нашемъ кормленіи стала принимать участіе и наша мать. Они оба, мать и отецъ, улетали и прилетали и всякій разъ приносили намъ поѣсть. Но пищи для насъ было недостаточно. Мы пицали и требовали ѣды.

— Больше не будетъ! рѣзко крикнулъ на насъ отецъ.—Теперь мартъ, холодно, рѣки разлились и нигдѣ нечего взять. Будьте довольны и тѣмъ, что вамъ даютъ!

Но по мѣрѣ того, какъ развивалась весна и становилось теплѣе, мы стали получать пицци все больше и больше, и скоро замѣтили, что поверхъ покрывавшаго насъ пушка на насъ стали появляться перья. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было уже тѣсно въ нашей норкѣ и мы стали по ночамъ вылѣзать изъ нея и дышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Мы

вертели головами во всѣ стороны, поворачивали клювы на самый затылокъ, такъ что въ первое время и сами не понимали, гдѣ у насъ задъ и гдѣ передъ. Иногда мы пробовали походить по нашей скалѣ, но это выходило у насъ некрасиво и неуклюже, за то мы превосходно лазали по вѣтвямъ кустовъ, окружавшихъ нашу норку. И всякій разъ гдѣ-то внизу мы видѣли какія-то двѣ свѣтящіяся точки, точно двѣ искры, пугались ихъ и стремглавъ бросались къ себѣ въ норку. Мы, совы, очень пугливы. Но на этотъ разъ нашъ страхъ имѣлъ свои основанія.

Однажды, когда мы такъ сидѣли на скалѣ и любовались звѣзднымъ небомъ, къ намъ возвратились съ охоты наши мать и отецъ.

— Скорѣе! Скорѣе! закричали они.—Прячьтесь скорѣе въ гнѣздо! Развѣ можно быть такими неосторожными?

Мы толпой побѣжали къ себѣ въ нору.

— Въ чемъ дѣло? спросили мы.—Что такое?

— Вокругъ нашей скалы ходитъ лиса. Она подбирается къ вамъ.— Развѣ вы не видите, какъ свѣтятся во тьмѣ ея глаза?

Мы испугались и уже во всю ночь не вылѣзали изъ гнѣзда.

Въ слѣдующую ночь отецъ сказалъ:—

— Какая жалость, что птенцы у совъ растутъ такъ долго! Уже

конецъ мая, всѣ птицы уже по-выводили своихъ птенцовъ изъ гнѣздъ, летаютъ стадами, а мы все еще принуждены кормить нашихъ дѣтей и добывать для нихъ ѣду!

И, дѣйствительно, мы уже давно слышали вокругъ себя пѣнье соловьевъ и щебетаніе разныхъ птицъ. Онѣ стаями летали надъ нашей скалой, но ни одна изъ нихъ почему-то не осмѣливалась приблизиться къ намъ или завести съ нами разговоръ. А когда наступала ночь, то всѣ онѣ затихали, кромѣ соловьевъ, и, слушая ихъ, нашъ отецъ часто говорилъ:

— Соловьи очень вкусны. Жаль, что ихъ трудно въ кустахъ найти, а то-бы я попотчивалъ васъ ими. Они гнѣздятся прямо на землѣ, въ самой чащѣ куста, и я не могу пробраться къ нимъ и схватить ихъ лапкой.

Теперь для насъ было понятно, почему насъ такъ боялся пѣвчій птицы.

Отецъ съ матерью снова улетѣли добывать для насъ ѣды.

Въ ихъ отсутствіе случилось нѣчто ужасное: къ намъ подобралась лиса и, схвативъ одного изъ насъ, убѣжала съ нимъ подъ скалу и тамъ его сожрала. Мы такъ окаменѣли отъ страха, что не могли двинуться съ мѣста. Покончивъ съ однимъ, она вновь взбѣжала на скалу, схватила и другого и съѣла и его. Такъ, въ ка-

кіе нибудь полчаса, пока находились въ отсутствіи наши отецъ и мать, она съѣла четверыхъ изъ насъ и насъ осталось только двое: братъ и я. Мы оба стояли на скалѣ, у входа въ гнѣздо, оцѣпенѣли отъ страха и дрожали. Затѣмъ прилетѣли отецъ и мать, увидѣли лису и вступили съ ней въ сраженіе: они стали хлопать крыльями, клевать ее въ лобъ и вонзать свои острые когти ей въ спину. Она испугалась и убѣжала. Тогда они подлетѣли къ намъ и загнали насъ въ норку.

— Бѣдненькіе!.. ласково сказали они намъ.—Какъ вы дрожите!.. Но успокойтесь, мы больше не дадимъ васъ въ обиду!

И почти тотчасъ-же отецъ улетѣлъ куда-то, а мать осталась съ нами и подобрала насъ подъ себя. Все время, пока отсутствовалъ отецъ, она насъ ласкала и укрывала крыльями. Потомъ неслышно возвратился отецъ.

— Нашелъ! сказалъ онъ.—Тамъ ужъ насъ не тронетъ никто!

И онъ взялъ въ лапки меня, а мать взяла въ лапки моего братишку и вмѣстѣ съ нами они полетѣли черезъ поля и лѣса и прилетѣли наконецъ въ чей-то большой, старинный тѣнистый паркъ.

— Вотъ здѣсь! сказалъ отецъ.

Въ одномъ изъ старыхъ деревьевъ было дупло. Онъ кинулъ меня въ него, мать бросила туда-же и моего братишку и такимъ обра-

зомъ мы перемѣнили нашу квартиру. Но дупло было тѣсное и потому въ немъ стали жить только я и братъ. Отецъ-же и мать все время стали проводить на воздухѣ, прижавшись бокомъ къ стволу дерева и крѣпко ухватившись лохматыми лапками за какую-нибудь изъ его вѣтвей. Такъ мы прожили еще цѣлый мѣсяцъ.

Было бурное, грозное лѣто. Каждую недѣлю, обязательно хоть разъ или два, была страшная гроза, отъ которой дрожало наше дерево и, казалось, содрогалась вся природа. Дулъ сильный вѣтеръ, молнія разрѣзала небо и ослѣпляла насъ и гремѣлъ такой оглушительный громъ, что мы боялись, какъ-бы не упалъ на насъ небесный сводъ. И всякій разъ передъ наступленіемъ такой непогоды наши отецъ и мать летали взадъ и впередъ по парку и громко и жалобно кричали.

— Чего вы кричите? спрашивала я у нихъ.

— Мы боимся предстоящей грозы, отвѣчали они мнѣ.—Кромѣ того, мы не можемъ охотиться во время непогоды и должны заранѣе заготовить добычей. Вотъ почему мы и летаемъ всегда взадъ и впередъ, предчувствуя грозу. Мы стараемся побольше наловить мышей и птицъ.

— Зачѣмъ-же вы такъ жалобно кричите?

— Мы подаемъ другъ другу го-

лось... Ваша мать всегда должна знать, гдѣ нахожусь я, вашъ отецъ...

Невдалекѣ отъ нашего дерева стоялъ старый сѣнной сарай. Онъ былъ покрытъ соломой, которая давно уже стнила и въ которой мыши свили себѣ гнѣзда и водились сотнями. Часто мой отецъ прилеталъ къ этому сараю, садился на его крышу и выселѣживалъ въ ней мышей.

И вдругъ какъ-то вечеромъ около сарая появились два человѣка.

— Смотрите! крикнулъ одинъ изъ нихъ и указалъ на моего отца.— Сова!

Въ это время вспыхнула молнія и вдалекѣ загремѣлъ громъ. Мой отецъ испугался, жалобно закричалъ и полетѣлъ въ сторону. Ему отвѣтила изъ гнѣзда наша мать.

— Быть бѣдѣ! боязливо сказалъ одинъ человѣкъ другому.— Слышишь, какъ кричитъ сова?

Въ эту ночь дѣйствительно случилась бѣда, но совершенно независѣвшая отъ такихъ безобидныхъ существъ, какъ мы. Гроза все придвигалась и придвигалась и наконецъ къ полуночи разразилась во всей своей широтѣ. Казалось, что небо хотѣло расколотся на куски, деревья пригибались къ землѣ, вѣтеръ шумѣлъ въ ихъ листьѣ и тысячи пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ раздавались со всѣхъ кон-

цахъ вселенной. Отъ вспышекъ молній вылетали изъ гнѣздъ испугавшіеся воробьи и беспорядочно, въ ужасѣ, метались въ темнотѣ назадъ и впередъ. Отецъ и мать въ страхѣ жалобно кричали на деревѣ, а я и сестра вторили имъ изъ дупла. Было страшно. И вдругъ ослѣпительная молнія свалилась съ неба, ударила прямо въ сарай и зажгла его. Онъ загорѣлся, какъ свѣчка. Зазвонилъ гдѣ-то на церкви набатъ, прибѣжали люди, притащили пожарную кибку, но было уже поздно и сарай сторѣлъ до тла.

— Не даромъ-же на немъ вчера сидѣла сова! услышала я утромъ знакомый голосъ.— Вотъ и случился пожар!

И всѣ бывшіе тутъ мужики покачивали головами и крестились.

— Только-бы мнѣ ее найти! продолжалъ все тотъ-же знакомый мнѣ голосъ.— Ужъ я бы ей свернулъ шею!

И вдругъ его взоръ упалъ на наше дупло.

— Да вотъ гдѣ она! воскликнулъ человѣкъ и, взявшись за топоръ, мужики стали рубить дерево.

Отъ страха мы оцѣпенѣли.

Затѣмъ послышался трескъ и наше бѣдное дерево рухнуло на землю. Чья-то рука залѣзла къ намъ въ дупло и потащила моего брата на свѣтъ. Щурясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, я прижалась къ стѣнкѣ дупла

— Иди, иди сюда и ты, продолжалъ все тотъ-же голосъ. — Нечего тутъ!

Рука схватила меня и вытащила на воздухъ.

Говорятъ, что мы, совы, при дневномъ свѣтѣ ничего не видимъ, но это невѣрно. Мы только прищуриваемъ глаза, такъ какъ свѣтъ ослѣпляетъ насъ, но потомъ мы привыкаемъ къ солнечнымъ лучамъ и начинаемъ видѣть хорошо и днемъ. Такъ и теперь. Освоившись со свѣтомъ, я увидѣла нѣсколькихъ человѣкъ съ топорами въ рукахъ. На землѣ лежали убитыми мои мать и братъ, а отецъ съ жалобными, визгливыми криками леталъ взадъ и впередъ вокругъ пепелища и срубленнаго дерева.

— Эхъ, жаль, нѣтъ ружья! сказалъ одинъ изъ людей. — Подстрѣлить-бы и его!

А затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за крылья и поднялъ на воздухъ.

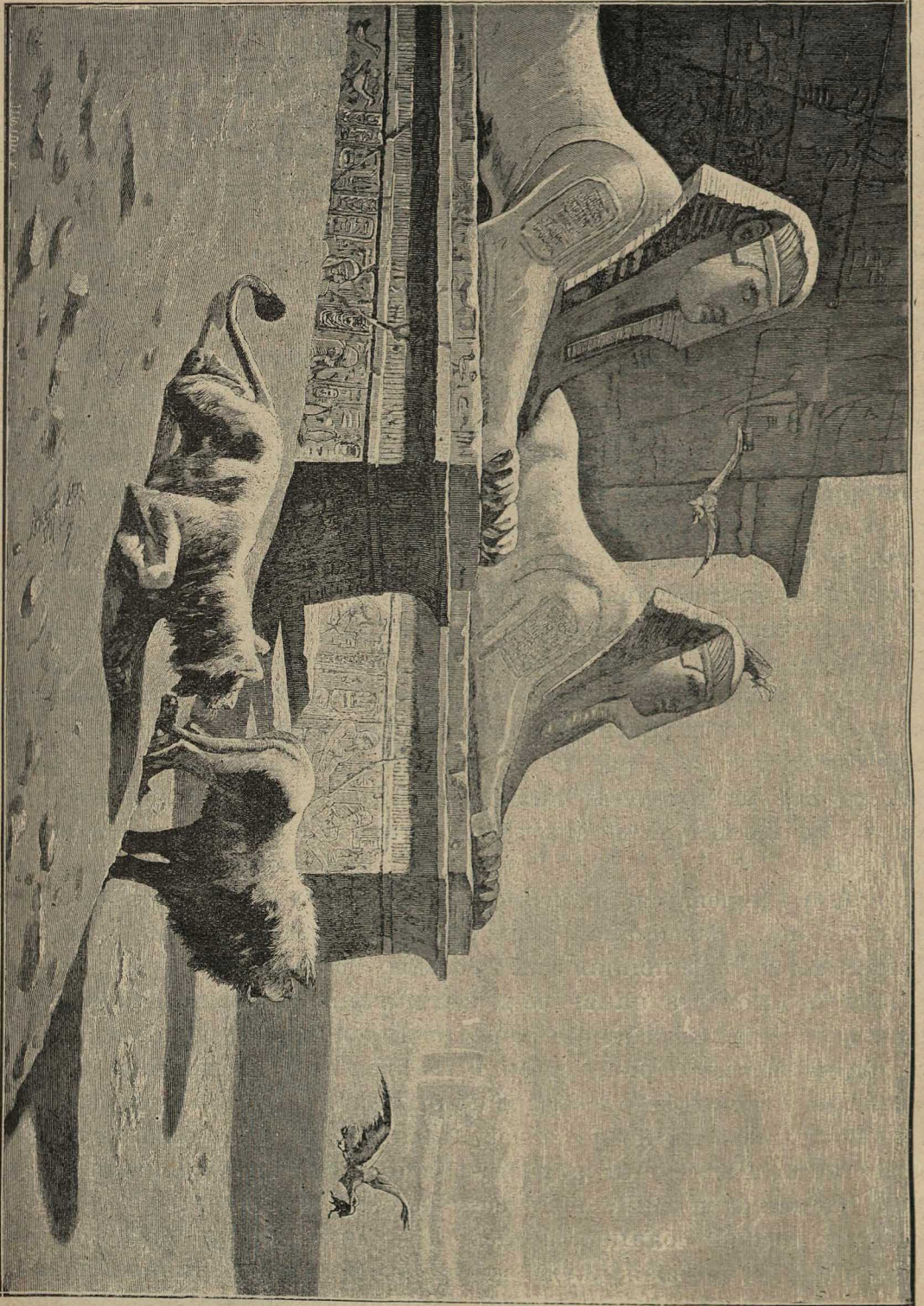
— Ага, миленькая, попалась! сказалъ онъ. — Захлопала глазами! Теперь ты у меня поплянешь!

Съ этого момента начались для меня страданія. Онъ отнесъ меня въ другой конецъ парка, устроилъ тамъ для меня сидѣніе на палкѣ и приковалъ меня къ нему за ногу на цѣпочку. Цѣлые дни я проводила на этомъ сидѣніи, подъ палящими лучами солнца, щурясь отъ свѣта и не зная, куда дѣваться отъ набѣгавшаго дождя.

Сколько разъ я порывалась бѣжать, но цѣпь была крѣпка и я не въ состоянii была ее порвать. Сколько разъ я просила у Бога для себя смерти, но Онъ не внималъ моимъ мольбамъ и оставлялъ меня въ живыхъ. Я проводила цѣлые дни въ неволѣ, искала днемъ желанной темноты, а ночью убѣжища отъ дождя и отъ вѣтра, но не находила ихъ, и тосковала о своихъ родныхъ. Мнѣ приносили ѣсть кусочки мяса и дохлыхъ крысъ, но я не дотрогивалась до нихъ, потому что мы падали вовсе не ѣдимъ, а едва только люди уходили, какъ съ высокой сосны ко мнѣ слеталъ коршунъ и пожиралъ мясо. Это были для меня минуты ужаса. Я боялась его, срывалась со своего сидѣнія, чтобы улетѣть, но тутъ-же и падала на землю и долго билась объ нее крыльями и не могла встать на ноги. Меня задерживала цѣпь. А когда наступала ночь, то ко мнѣ всякій разъ прилеталъ мой отецъ. Онъ приносилъ мнѣ ѣды, кормилъ меня мышами, лягушками, гусеницами и жуками, садился рядомъ со мной и согрѣвалъ меня своимъ тѣломъ. Если бы не онъ, то я умерла-бы съ голоду. Едва только наступалъ вечеръ, какъ я уже слышала издалека его голосъ:

— Гдѣ ты? Ау! Угу!

— Я здѣсь! отвѣчала я ему. — Я жду тебя! Угу!

Въ Египтѣ,
на мѣстѣ когда-то плодородной, а теперь выжженной солнцемъ и засыпанной песками, сграницы.

Лисичка-сестричка и ея семья.

А въ это время раздавались въдалекѣ, у дома, суевѣрные голоса людей:—

— Слышите, сова кричитъ? Это къ бѣдѣ!

И мнѣ было жаль людей, что они придавали такое значеніе нашимъ голосамъ, какого они вовсе и не имѣли, и хотѣлось ободрить ихъ, успокоить и сказать имъ, что такими создалъ насъ Господь и что быть иными и кричать иначе мы не смогли-бы, хотябы даже и захотѣли.

Такъ протянулись для меня цѣлые семьдесятъ дней и всѣ эти семьдесятъ дней я была на привязи и оставалась безъ воды. Мнѣ никто не догадался ее налить. Да, впрочемъ, это не было и нужно. Мы, совы, воды вовсе не пьемъ, съ насъ бываетъ довольно и той влаги, которая содержится въ нашей пицѣ и которую мы поглощаемъ вмѣстѣ съ дыханіемъ изъ воздуха. Но мнѣ было горько и обидно за то, что люди забыли обо мнѣ и оставили меня на произволъ судьбы. И если-бы не мой отецъ, который каждую ночь прилеталъ ко мнѣ и кормилъ меня, то меня давно-бы уже не было въ живыхъ.

И вдругъ необыкновенное, сказочное счастье: я неожиданно получила свободу. Я сидѣла у себя на столбикѣ и щурилась отъ дневного свѣта. Была уже осень. Листья уже слетѣли съ деревьевъ

и они голыми вѣтвями гудѣли въ воздухѣ. Было холодно и сквозь порѣдѣвшія деревья виднѣлся желтый домъ, въ которомъ жили люди. Какіе-то дѣти бѣгали около него и весело смѣялись. Я уже захирѣла, примирилась со своей неволей и уже потеряла всякую надежду на свободу.

„Будь, что будетъ!“ рѣшила я.— „Авось Господь скалится надо мною и пошлетъ мнѣ смерть!“.

Голоса дѣтей слышались все ближе и ближе и вдругъ я увидела, что они бѣжали прямо въ мою сторону. Я испугалась и зажмурила глаза.

— Смотрите! Сова! вдругъ услышала я около себя чей-то дѣтскій голосъ.

— Бѣдная! привязана! сказала какая-то дѣвочка.

— Какъ это мы раньше ее не видали?

— Намъ запрещалось такъ далеко уходить отъ дома!..

Дѣти окружили меня со всѣхъ сторонъ, съ любопытствомъ оглядывали меня и имъ было жаль, что я была на привязи и не могла летать.

— Бѣдная!.. опять повторила та-же дѣвочка.

И, обратившись къ остальнымъ дѣтямъ, она продолжала:—

— Знаете, что? Давайте ее отпустимъ на свободу!..

— Давайте! Давайте! послышались голоса.

— Только я боюсь ея и не знаю, какъ это сдѣлать..

— Давайте я! воскликнулъ вдругъ толстеный, краснощекій мальчуганъ.—Я не боюсь ничего на свѣтѣ!

Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за лапку и снялъ съ нея цѣпь. Я дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Мнѣ почему-то казалось, что онъ меня убьетъ.

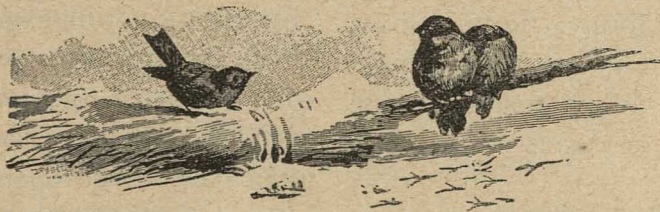
— Чего-жъ ты не летишь? сказали мальчикъ и спихнулъ меня съ подставки.

Я взмахнула крыльями и вдругъ почувствовала свободу. Необыкновенное счастье наполнило мою душу и я полетѣла, куда глядѣли мои глаза, и все летѣла и летѣла,

сама не зная, куда, и сквозь волны ослѣпшаго меня свѣта видѣла деревья, поля и лѣса и съ каждымъ взмахомъ крыльевъ чувствовала, какъ все дальше и дальше находилась отъ того мѣста, гдѣ перенесла столько мученій и гдѣ такъ скорбно влачилась моя жизнь.

И вотъ я снова на свободѣ. Я живу тою жизнью, для которой создалъ меня Господь, часто вспоминаю о пожалѣвшихъ меня дѣтяхъ и что бы ни думали обо мнѣ суевѣрные люди, я никогда не сдѣлаюсь иною, но за то и не причину имъ ни малѣйшаго зла.

С. Вершининъ.

ВЪ САДУ ЗИМОЙ.

Въ саду одѣты снѣгомъ елки
И солнце искрится на нихъ,
Въ вѣтвяхъ сосулекъ ледяныхъ
Блестятъ хрустальныя иголки.
И прудъ налетомъ синеватымъ
Темнѣетъ въ снѣжныхъ берегахъ,
Повисли хлопья на вѣтвяхъ,
Какъ будто клочья бѣлой ваты.

Въ окно изъ сада видны ели,
На нихъ—алмазные вѣнцы,
А рядомъ снѣжныя метели
Воздвигли бѣлыя дворцы.
Весь садъ—въ парчѣ заледенѣлой
Качаетъ вѣтками едва...
На стеклахъ иней сѣтью бѣлой
Плететъ узоры-кружева.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Русскаго консула, какъ нарочно, въ городѣ не оказалось: онъ уже цѣлый мѣсяцъ находился въ отпускѣ и его мѣсто занималъ какой-то господинъ, не понимавшій ни одного слова по русски. Когда рыбаки привели къ нему Назаровну, то онъ задалъ ей нѣсколько вопросовъ на нѣмецкомъ языкѣ, но она на него раскричалась, сказала, что его Богъ накажетъ за то, что онъ смѣется надъ ней и нарочно говорить такъ, что она его не понимаетъ, — и онъ отпустилъ ее по добру, по здорову. Рыбаки вывели ее на улицу, раскланялись съ ней и пошли своей дорогой. Она осталась одна. Это ее испугало.

— Миленькіе! крикнула она имъ. — Эй, вы! Какъ васъ? Куда же это вы меня завели? Вѣдь я одна боюсь! Я — женщина...

Но они отмахнулись отъ нея и пошли своей дорогой. Повидимому, они были рады, что наконецъ отдѣлались отъ нея и были теперь свободными. Слезы показались у нея на глазахъ.

— Господи Боже мой! воскликнула она. — Что же я теперь буду дѣлать?

Положеніе ея было безнадежно.

Весь ея багажъ погибъ въ морѣ, денегъ при ней не было ни копейки, да и самый ея нарядъ былъ таковъ, что у всѣхъ прохожихъ вызывалъ неудержимый смѣхъ. На ней была старая шапка съ ушами, мужской пиджакъ и большіе, выше колѣнъ, рыбацкіе сапоги. Все это на нее надѣли рыбаки, когда вытащили ее изъ воды, всю закованную отъ холода, и старались ее обогрѣть. Обледенѣлая юбка путалась теперь у нея въ ногахъ и царапала подоломъ по голенищамъ сапогъ. Сапоги были неимоверно велики и она едва могла въ нихъ ступать. Рукава засаленнаго и всего въ заплаткахъ пиджака, отъ котораго пахло рыбой и смолой, свѣшивались у нея съ рукъ. Рубашка на ней была еще мокра и холодила ей плечи и спину.

— Что же я теперь буду дѣлать? повторяла Назаровна. — Какъ мнѣ быть?

Она пробовала разговаривать съ прохожими, но они не понимали ее и проходили мимо. Какой-то господинъ долго объяснялъ ей что-то на своемъ языкѣ, и указывалъ куда-то рукой, но она его не поняла. Проходившая дама подала

ей бѣленькую никелевую монетку, но Назаровна сочла это за насмѣшку, такъ какъ никогда не видѣла такихъ денегъ и не понимала, для чего ей ее давали.

— Развѣ деньги такія? говорила она сама съ собой. — Деньги бываютъ мѣдныя или серебряныя, а это какая-то жестяная пуговица! Вотъ вѣдь какіе безсовѣстные люди! Такъ и норовятъ, чтобы подсунуть... И орель-то на нихъ съ одной головой!.. Нешто бываютъ орлы объ одной головѣ?

И, не зная, что дѣлать, она бродила по городу, всюду вызывала усмѣшки своимъ внѣшнимъ видомъ и не вѣдала, къ кому обратиться. Мимо нея взадъ и впередъ проѣзжали экипажи, суетились прохожіе, но никому не было до нея дѣла и никому даже и въ голову не приходило, что она была голодна, устала и, какъ пожилой уже человѣкъ, хотѣла прилечь. Прошелъ день, наступили сумерки, и въ окнахъ стали зажигаться огни, а она все шла и шла, не отдавая себѣ отчета, гдѣ она и что ей слѣдовало-бы дѣлать. Тоска одиночества увеличилась еще болѣе отъ сѣрыхъ сумерекъ и то, что озябли плечи и спина, дѣлало положеніе невыносимымъ. Къ этому присоединилась еще тяжкая скорбь отъ Евгеніи Ѳедоровнѣ и о Катѣ, о которыхъ она думала, что онѣ погибли, — и ей хотѣлось рыдать на всю улицу, кричать о

помощи и добиться наконецъ того, чтобы ее поняли эти проходившіе мимо нея равнодушные люди, которымъ было рѣшительно все равно, былъ-ли кто живъ или мертвъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. то и дѣло вздыхала она. — Какое несчастное приключеніе!.. За грѣхи наши не помиловалъ насъ Господь... Барыня-то, барыня моя!.. Пошли ей Господи царство небесное, вѣчный покой... Катенька милая, красавица ты моя! Думала-ли я со своимъ бабьимъ куринымъ умомъ, что не увижу тебя больше никогда!..

Она плакала и слезы струились у нея по щекамъ и падали прямо на холодный снѣгъ. Была уже ночь. Она устала и еле уже плелась. То и дѣло присаживаясь на тумбы, она старалась подавить въ себѣ боль подъ ложечкой и голодь и рѣзко пожимала плечами, чтобы хоть какъ-нибудь согрѣться. Потерявъ наконецъ терпѣніе и выбившись изъ силъ, она подошла къ темной фигурѣ, стоявшей посреди опустѣвшей улицы и дернула ее за рукавъ. Это былъ городской.

— Миленькій, обратилась она къ нему. — Гдѣ-бы мнѣ тутъ попить чайку?

Онъ оглядѣлъ ее испытующимъ окомъ и о чемъ-то строго ее спросилъ. Боясь, чтобы онъ не заподозрилъ ее въ чемъ-нибудь, и не свелъ ее въ участокъ, она продолжала:

— Мы — утопые люди, батюшка, — все одно, что погорѣльцы... Намъ дѣваться некуда!.. Гдѣ-бы мнѣ тутъ попить чайку?

Городовой еще строже ей что-то сказалъ.

Она вспомнила, что у нея не было паспорта, что онъ остался въ вещахъ у Евгениі Оедоровны и, слѣдовательно, безвозвратно погибъ въ морѣ, и ей сдѣлалось страшно. Что, если сейчасъ придерутся къ ея личности? Чѣмъ она докажетъ тогда, что она дѣйствительно не бродяга, а порядочный человекъ и попала сюда случайно.

И чтобы умиловать городового, она сказала:

— Я озябла, кавалеръ, и пить хочу... Гдѣ-бы тутъ погрѣться?.. А насчетъ пачпорта ты, миленькій, не сомнѣвайся! Онъ у меня былъ, да только въ морѣ утопъ. Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, деревни Колюпановки... Тамъ всѣ меня знаютъ!.. У насъ еще новая изба!

Городовой что-то крикнулъ на нее, взялъ ее за плечи и оттолкнулъ ее отъ себя. Она робко и покорно поплелась далѣе.

Была уже ночь. Какъ и вчера, шель снѣгъ и дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Вдоль улицы неслись цѣлыя снѣжные облака и забивались Назаровнѣ за шею, гдѣ и безъ того было холодно. Она уже не пожимала больше плечами, а

просто шла, куда глядѣли ея глаза, и только твердила:

— Спаси и помилуй, Царица Небесная!.. Заступи, Господи, и сохрани!

Вдоль нея потянулись заборы, настоящій городъ остался далеко позади и теперь уже ясно слышалось, какъ гдѣ-то недалеко шумѣло море. Она поняла, что запла въ предмѣстье, и сѣвъ на тумбочку, долго отдыхала. Затѣмъ она пошла далѣе. Вотъ уже та площадь, на которой вчера вечеромъ городовые подняли Костю, а вотъ виднѣется въ темнотѣ и церковь съ остроконечной колокольней, на паперти которой Францъ Фидлеръ нашель корзину съ Катей. Назаровна догадалась, что это церковь, помолилась на нее и вошла въ какую-то улицу, состоявшую изъ бѣдныхъ лачугъ. Здѣсь уже всѣ спали. Только въ одномъ домикѣ еще свѣтился огонь и сквозь плохо задѣланныя рамы слышался плачь дѣтей. Назаровна пошла на огонекъ и заглянула въ окно. Но оно было завѣшено и отъ того, что плакали дѣти, нянѣ казалось, что въ избушкѣ было тепло и хорошо, и ей страстно, неудержимо захотѣлось вдругъ постучаться въ окно и попросить пріюта. Но она не рѣшилась этого сдѣлать и, опустившись на крылечко, присѣла отдохнуть. Дѣти плакали долго, въ два голоса, слышались еще голоса мужчины, женщины и еще двухъ

дѣтей побольше, и, казалось, что въ домѣ не все благополучно, что кто-нибудь болѣнъ, или происходитъ ссора. Затѣмъ послышались шаги, дверь отворилась и на порогѣ показался мужчина.

— Хорошо, Луиза, обратился онъ къ кому-то въ темнотѣ по нѣмецки. — Ты уйми сначала Фрица и Эмму, а я сбѣгаю за докторомъ. Пусть хоть они-то улягутся поскорѣе спать, а ты уже какъ нибуду управься одна съ Кетти и Маргаритой безъ меня! Должно быть, Кетти дѣйствительно простудилась въ своей корзинѣ, что такъ плачетъ. А Маргарита только вторить ей за компанію и не желаетъ засыпать зря. Ты не бойся за нее. Я сейчасъ приведу доктора.

И онъ вышелъ на крыльцо. Увидѣвъ въ темнотѣ согнувшуюся отъ холода и усталости фигурку Назаровны, онъ остановился и долго не могъ разобрать, мужчина это или женщина. Затѣмъ онъ нагнулся надъ ней и похлопалъ ее по плечу.

— Ты чего здѣсь сидишь? спросилъ онъ ее по нѣмецки.

Заслышавъ въ его голосѣ ноту состраданія, она подняла голову и отвѣтила:

— Устала, миленькій... Кушать хочу!..

— Что?

Она повторила свой отвѣтъ. Онъ сошелъ со ступенекъ, поднялъ ее

на ноги и обернулъ ее лицомъ къ свѣту, выходявшему изъ окна.

— Эге! сказалъ онъ, — да какой же у тебя усталый видъ! Ты, должно быть, такъ бѣдна, что тебѣ негдѣ и ночевать!

Его участливый тонъ тронулъ ее и на глазахъ у нея засвѣтились слезы.

— Пріюти, миленькій, сказала она. — Дай переночевать! Тебя Господь сторицею вознаградить!

Онъ не понялъ ея, но ея жалкій, беспомощный видъ въ свою очередь тронулъ и его, и онъ взялъ ее за рукавъ и потянулъ ее къ себѣ.

— Входи, входи къ намъ! сказалъ онъ ей. — Погрѣйся немного и отдохни. Жена дастъ тебѣ поѣсть. Сегодня Богъ послалъ намъ новую дочь, да она что-то кричить... Должно быть, заболѣла, простудилась... Входи-же, входи, не бойся!

И, отворивъ дверь въ горницу, онъ крикнулъ:

— Луиза, Богъ послалъ намъ странницу! Займись-ка ею и дай ей поѣсть!

И, снова затворивъ за собою дверь, онъ побѣждалъ за докторомъ.

Назаровна увидѣла себя въ комнатѣ. Пріятной теплотой пахло ей въ лицо. Ласково свѣтила лампа у потолка и въ воздухѣ стоялъ запахъ хлѣба и прѣлой капусты, отъ котораго Назаровнѣ еще больше захотѣлось ѣсть. Въ глубинѣ, у стѣны, на громадной

— Мама, вылечи куклу: у нея отодввалась нога!..

Друзья.

кровати лежали мальчикъ и дѣвочка, укрывшись по шею перинками, и большими любопытными глазами посматривали на неожиданную гостью. Посреди комнаты стояла женщина и, держа одного ребенка на одной рукѣ, а другого на другой, старалась ихъ укачать. Оба они кричали во все горло.

— Бай, ба-ай, ба-ай, бай! напѣвала женщина. — Баю-баюшки-баю!...

Но у нея не выходило ничего. Испробовавъ всѣ способы укачать дѣтей, выбившись изъ силъ, фрау-Луиза уже готова была положить ихъ обратно въ ихъ колыбели и предоставить ихъ самимъ себѣ до прихода доктора, какъ вдругъ въ комнату неожиданно вошла Назаровна. Появление чужого человѣка смутило ее. Но голосъ мужа, впустившаго ее, и самый видъ Назаровны ободрили ее и она участливо взглянула на посѣтительницу.

— Вамъ чего? спросила она ее.

Вмѣсто отвѣта, Назаровна сбросила съ себя ненавистный пиджакъ, стащила сапоги и, подскочивъ къ фрау-Луизѣ, схватила отъ нея маленькую Маргариту и принялась ее качать. Въ избыткѣ нѣжности она прижала ее къ себѣ и пріятная теплота ребенка вдругъ разлилась у нея по груди и напомнила ей Катю. Ступая босыми, уже привыкшими къ холоду, ногами по теплomu полу, видя себя

въ семьѣ, она вдругъ почувствовала себя немножко дома и слезы покатались у нея изъ глазъ. Она слышала, что ей что-то говорила нѣмка, указывая ей на ея слезы, но она не понимала ея и только испытывала необыкновенную радость, что около нея было маленькое существо, которое напоминало ей о Катѣ и было такое-же безпомощное и тепленькое, какъ и она. Увидѣвъ, къ какою любовью Назаровна принялась успокаивать Маргариту, фрау-Луиза скоро довѣрилась ей вполне и еще долго онѣ обѣ ходили потомъ взадъ и впередъ по комнаткѣ и укачивали дѣтей.

„Должно быть, у нея двойни“, думала про нее Назаровна.

„Это, должно быть, Францъ еще днемъ нанялъ няньку, да она только сейчасъ пришла, въ свою очередь думала фрау-Луиза. — Милый Францъ! Онъ потерялъ голову отъ того, что такъ неожиданно разбогатѣлъ!..“

Часъ спустя, возвратился домой Францъ Фидлеръ. Онъ не напшелъ доктора и виновато поднялся на ступени своего крыльца. Когда онъ пріотворилъ дверь и просунулъ въ комнату голову, то увидѣлъ, что фрау-Луиза и Назаровна сидѣли за столомъ и объяснялись жестами. На Назаровнѣ былъ старый Луизинъ капотъ и его, Франца, туфли. Назаровна съ аппетитомъ ѣла что-то горячее

изъ мисочки и съ невѣроятнымъ наслажденіемъ жевала хлѣбъ. Оба ребеночка уже молчали: Маргарита спала въ колыбелькѣ, а Кетти—въ корзинѣ изъ подъ бѣлья.

—Ну, вотъ и хорошо! сказалъ Францъ, входя.—Значить, и докторъ былъ-бы лишнимъ!

— Нѣтъ, не лишнимъ, отвѣтила ему жена. — Посмотри, какой у нашего ангелочка жаръ! Бѣдняжка Кетти! Должно быть, она простудилась, когда лежала въ корзинкѣ на паперти у церкви... Прислушайся, какъ хрипитъ у нея въ горлышкѣ!

И, кивнувъ въ сторону Назаровны, она шепотомъ продолжала:—

— Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что нанялъ няньку! Безъ нея я растерялась-бы совсѣмъ! Она такая опытная и такъ умѣло обращается съ ребенкомъ. Жаль только, что она — иностранка и ни слова не понимаетъ по нѣмецки. Впрочемъ, это не важно. Была-бы только честная и любила-бы дѣтей!...

Затѣмъ всѣ въ домикѣ улеглись спать въ одну общую, необъятную постель. Не спала одна только Назаровна. Всю ночь она просидѣла у изголовья Кати, то и дѣло укачивала ее, потому-что дѣвочка часто просыпалась отъ кашля и плакала, и приглядывалась къ ея покраснѣвшему, пылавшему личику.

— „Точь въ точь, какъ наша

Катя... думала она.—Тѣ-же глазки, тѣ-же волоски, то-же лицо. И создастъ-же Господь такое сходство!“.

И отъ того, что Кетти такъ сильно напоминала ей Катю, хотя Кетти и Катя было одно и то-же лицо, старушка привязалась къ ней въ эту ночь такъ, что пересиливала въ себѣ дремоту, чтобы только лишній разокъ взглянуть на нее, и ее уже начинала пугать мысль, что завтра съ утра ей, быть можетъ, уже придется разстаться съ ней навсегда и искать способовъ возвращенія въ Россію. И послѣ перенесенныхъ страданій на морѣ и въ этомъ городѣ, гдѣ она едва-едва могла найти себѣ пріютъ и кусокъ хлѣба, эта бѣдная избушка показалась ей лучше всякихъ дворцовъ и эти бѣдные люди—близкими родными. Она не спала уже вторую ночь, но не хотѣла засыпать, и при каждомъ движеніи или кашлѣ Кати напѣвала ей тѣ пѣсни, которыя, еще такъ недавно пѣла ей въ Россіи и на пароходѣ, и дѣвочка очевидно чувствовала это и смолкала только на рукахъ у своей няни. Какимъ-то удивительнымъ дѣтскимъ чутьемъ она догадалась, вѣроятно, что это была ея настоящая, первая няня, которая ухаживала за ней со дня ея рожденія, и чувствовала себя спокойно только у нея на рукахъ или при звукахъ ея старческаго голоса,

напѣвавшего русскія, заунывные мотивы. Что касается самой Назаровны, то ей и въ голову не приходило, что эта дѣвочка была ея Катей и находилась такъ близко около нея. Во время суматохи на пароходѣ она была внизу, въ каютѣ, совершенно не видала, какъ Евгенія Ѳедоровна укладывала Катю въ корзину, и когда выбѣжала послѣ толчка наверхъ, то увидала только громадную волну, которая ворвалась на пароходъ, смыла съ палубы всѣхъ растерявшихся пассажировъ, въ томъ числѣ и ее саму, а далѣе уже она не помнила ничего. Когда она очнулась, то была уже въ водѣ, слышала крики погибавшихъ и видѣла, какъ погружался въ воду разбитый пароходъ. Она ухватилась за что-то и поплыла. А затѣмъ ее подобрала рыбаки и привезли сюда. И, сидя теперь передъ корзиной, въ которой лежала Кетти, она глядѣла на нее, удивлялась необыкновенному ея сходству съ Катей и все повторяла:—

— И уродилъ-же Господь такое сходство! Точно двѣ капли воды.

Францъ Фидлеръ и его жена долго рассказывали ей о томъ, какъ они нашли этого ребенка, но она не понимала ихъ и смотрѣла на нихъ недоумѣвавшими глазами.

„О чемъ они лопочутъ?“ думала она.— „Чего имъ надо?“.

Ночью она увидала на Катѣ крестъ, который ей надѣла въ дорогѣ мать. Но крестъ этотъ, былъ для старушки незнакомымъ и еще больше убѣдилъ ее въ томъ, что Кетти и Катя были не одно и то-же лицо.

Когда забрезжило позднее зимнее утро, то Францъ Фидлеръ сталъ собираться на службу. Увидѣвъ Назаровну, покорно сидѣвшую около ребенка, и замѣтивъ по ея лицу, что она всю ночь не смыкала очей, онъ толкнулъ свою супругу въ бокъ и многозначительно сказалъ:—

— О, это очень хорошая женщина! Ее надо имѣть въ виду!

Проснулись всѣ. Начались семейныя хлопоты, шумъ и крики дѣтей, фрау-Луиза должна была то топить печь, то готовить обѣдъ, то успокаивать дѣтей, и въ эти-то тяжелыя минуты Назаровна и оказалась для нея необходимой. Простая, кроткая, покорная судьбѣ, она какъ-то сразу вошла въ положеніе семьи, стала своей и во всемъ оказывала посильную помощь. Не понимая ни слова по нѣмецки, она понимала тотъ общечеловѣческой языкъ, на которомъ вовсе не говорятъ, но который понимается съ перваго взгляда, по одному только выраженію губъ или глазъ, и который исходитъ прямо изъ глубины сердець. Кетти не признавала никого, кромѣ Назаровны. Маргарита успокаивалась

только у нея на рукахъ. Эмма и Фрицъ уже висли на ней и она ласково гладила ихъ по головкамъ. А когда выпадала свободная минутка, то Назаровна пришивала пуговицы то на одномъ изъ нихъ, то на другой, ставила заплатки и штопала чулки. Пообѣдали, попили вечерній кофе, а затѣмъ вернулся со службы Францъ Фидлеръ. Онъ отошелъ съ женой къ сторонкѣ и долго о чемъ-то съ ней разговаривалъ, то и дѣло кивая въ сторону Назаровны. А затѣмъ онъ подошелъ къ Назаровнѣ и взялъ ее за руку.

— Фрау, обратился онъ къ ней. — Мы вами довольны. Оставайтесь у насъ совсѣмъ! Мы бѣдные рабочіе, но у насъ въ груди бьются честныя сердца! Я могу предложить вамъ столъ, одежду и четыре марки въ мѣсяцъ.

Она не поняла его, но по тону его голоса догадалась, что онъ ее не гналъ, и осталась у нихъ и на слѣдующую ночь. Такъ потянулись дни за днями, и она продолжала у нихъ жить. Францъ и фрау-Луиза думали, чего она согласилась быть у нихъ прислугой, а она не знала, куда ей обратиться, и все чего-то ждала, но главное, что задерживало ее у нихъ, — это была Кетти, съ которой разстаться у нея не хватило силъ. Цѣлые дни она проводила съ ней, разговаривала съ ней по русски, и ей казалось что дѣ-

вочка уже понимала ее и только напрягала усилія, чтобы ей отвѣтить.

Такъ прошли двѣ недѣли. Въ одно ясное, морозное утро Назаровна взяла Кетти и пошла съ ней погулять.

— Пора ужъ! рѣшила она. — Сколько времени ребенокъ не былъ на воздухѣ!

Было бѣло. Подъ ея ногами хрустѣлъ снѣгъ и это напоминало ей о далекой Россіи. Она не знала, въ какой сторонѣ находилась ея родина, и ей казалось, что Россія должна быть тамъ, гдѣ шумѣло море, и что если-бы она сама, Назаровна, была такого большого роста, что могла-бы заглянуть туда, гдѣ едва замѣтной линіей море сливалось на горизонтѣ съ небомъ, то она увидѣла-бы тамъ Россію. И она направилась съ ребенкомъ къ морю.

Теперь море было тихое, все блестѣло на солнцѣ и, не смотря на пережитыя Назаровной несчастія, казалось ей красивымъ. На пристани шумѣлъ и суетился народъ. Большой пароходъ стоялъ у берега, и собирался отходить. Подъѣзжали извозчики съ пассажирами, телеги съ товаромъ и въ воздухѣ пахло тѣмъ запахомъ угольнаго дыма и морской воды, какой можно ощущать только на одномъ морскомъ берегу и больше нигдѣ. Когда Назаровна подошла къ пароходу, то раздался

второй звонокъ и затѣмъ послѣдовали два продолжительныхъ гудка.

— „Вотъ-бы послать домой письмо“... подумала Назаровна, „— да некому здѣсь написать! Все нѣмцы, да нѣмцы, а я сама не грамотная...“.

И пока она такъ думала, къ пристани подѣхалъ вдругъ экипажъ. Изъ него вышла женщина, походившая по внѣшнему виду на сестру милосердія, и съ ней мальчикъ лѣтъ десяти. Они прошли прямо на пароходъ, а затѣмъ женщина сошла обратно на берегъ, сѣла въ экипажъ и уѣхала домой. Мальчикъ остался на пароходѣ одинъ и, выйдя на палубу, весело сталъ глядѣть на пристань сверху.

„Гдѣ я этого мальчика встрѣчала?“ подумала Назаровна. — „Ужъ очень мнѣ знакомо его лицо!“.

Мальчикъ былъ такъ занятъ созерцаніемъ всего, что происходило вокругъ него, что даже и не замѣчалъ въ толпѣ Назаровну, которая не сводила съ него глазъ.

„Гдѣ я его встрѣчала?“ продолжала думать старушка.

Между тѣмъ раздался третій звонокъ, слышались три гудка и пароходъ медленно сталъ отчаливать отъ пристани. Народъ порѣдѣлъ и на берегу стало просторнѣе. Кое-кто махалъ платкомъ, провожавшіе еще перекидывались словами съ отъѣзжав-

шими,—и вдругъ мальчикъ взглянулъ на Назаровну. Лицо его сразу преобразилось, онъ въ свою очередь узналъ ее и замахалъ ей головой и руками.

— Здравствуй! здравствуй! закричалъ онъ ей. — Ты тоже спаслась?

Она услышала русскій языкъ, встрепелась, вздрогнула, ахнула и вся превратилась въ слухъ. Это былъ мальчикъ Костя. Она замѣтила его еще тогда, на пароходѣ, до кораблекрушенія, и нѣсколько разъ разговаривала съ нимъ.

— Миленькій!.. Милый!.. Хорошій ты мой!.. залепетала она.

— А я ѣду въ Россію! Къ бабушкѣ! кричалъ онъ ей.—До свиданья!

— Кланяйся тамъ!.. Кланяйся нашимъ!.. лепетала она, сама не зная, что говорить и о чемъ его попросить. — Миленькій!.. Родименькій ты мой!..

Но раздѣлявшее ихъ пространство становилось все шире и больше, теперь ужъ она могла только слышать его голосъ, но уже не разбирала словъ, а онъ все еще стоялъ на палубѣ, махалъ ей шапкой и что-то ей кричалъ.

Она стояла на берегу и слезы ручьями текли у нея по щекамъ. Съ этимъ мальчикомъ, казалось, порывалась на вѣки ея связь съ родиной и со всѣмъ русскимъ, мелькнувшая передъ ней на одинъ моментъ, и она почувствовала себя

вдругъ такой одинокой и заброшенной всѣми, какъ никогда. И еще долго стояла она на берегу, провожала взглядомъ удалявшійся пароходъ и мальчикъ не выходилъ у нея изъ головы. Выждавъ, когда пароходъ вышелъ въ открытое море и, обогнувъ ближайшій мысъ, совершенно скрылся изъ глазъ, она еще долго стояла на берегу и смотрѣла на оставленный имъ дымъ. А затѣмъ она печально побрела домой.

Образъ мальчика стоялъ у нея передъ глазами, она видѣла его передъ собой, какъ живого, и теперь была убѣждена, что не забудетъ его никогда, узнаетъ его среди тысячи такихъ-же мальчугановъ, какъ и онъ, и почему-то вѣрила, что еще встрѣтится съ нимъ не разъ.

А Костя въ это время весело бѣгалъ по палубѣ парохода, меч-

талъ о предстоящей встрѣчѣ съ бабушкой и послѣ всего пережитого въ морѣ и болѣзни, которая уже прошла, считалъ себя счастливымъ и не задумывался ни о чемъ.

Возвратясь домой, Назаровна уложила Катю въ ея корзинку и долго сидѣла около нея, склонивъ голову на локоть. Никто не зналъ, спала-ли она, или думала тяжелую думу, но всѣ въ домикѣ сразу смолкли и стали ходить на цыпочкахъ.

„Старая фрау спитъ“... шептали Эмма и Фрицъ.

— Не булите ее, ходите потише!.. шопотомъ приказывала имъ фрау-Луиза.

И по тому вниманію, съ какимъ они отнеслись къ этому забытію Назаровны, было видно, что они уже привыкли ее уважать и берегли ея покой.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗЕРКАЛО ПРИНЦЕССЫ.

СКАЗКА.

— Дядя-Коля, расскажи намъ исторію!

— Да, да, дядя-Коля! Расскажи!

Въ открытое окошко неслись изъ дома звуки музыки и тихо замирали на террасѣ. Былъ теплый и тихій юньскій вечеръ, за рѣкой мычало возвращавшееся съ поля стадо, всходила большая, желтая

луна и во все горло кричали лягушки. Дѣти только что помирились. Надя обидѣла Борю, ударила его хлыстомъ ни за что, и теперь онъ съ большими, красными отъ слезъ, глазами, тоже подошелъ къ дядѣ-Колѣ и просилъ его что-нибудь рассказать. Нанесенная Надей обида была очевидна для

Вонъ-вонъ птички летать!

всѣхъ, мама и дядя-Коля ожидали, что Надя сознаетъ свою вину и приласкаетъ Борю, но она этого не сдѣлала, и Боря помирился съ нею самъ. Эта строптивость Нади произвела непріятное впечатлѣніе.

Тиль онъ и отложилъ газету въ сторону.

Надя и Боря подсѣли къ нему и приготовились слушать.

— Жила-была на свѣтѣ, въ прекрасномъ дворцѣ, королева, кото-

Представленіе.

— Дядя-Коля, расскажи намъ что-нибудь! приставала она къ дядѣ. — Что-нибудь такое, гдѣ-бы участвовала такая дѣвочка, какъ я!

— Нѣтъ, такой мальчикъ какъ я! просилъ и Боря.

Дядя всегда умѣлъ рассказывать дѣтямъ разныя исторіи и они были увѣрены, что онъ не откажетъ.

— Ну, хорошо! Слушайте! отвѣ-

рая часто глубоко и грустно вздыхала. Все кругомъ нея утопало въ роскоши, пѣли райскія птицы, цвѣли диковинные цвѣты и при каждомъ дуновеніи вѣтерка на деревьяхъ звенѣли сладкозвучные золотые и серебряные колокольчики. Высоко били фонтаны изъ духовъ и воздухъ былъ наполненъ ароматомъ. Казалось, все тамъ

было создано для земного счастья, но королева плакала. Ея свита, сидѣвшая у подножія ея трона, глядя на нее, тоже глубоко вздыхала и, вмѣсто того, чтобы радоваться и быть счастливыми, всѣ скорбѣли. На колѣняхъ у королевы, среди золотыхъ кружевъ и въ волнахъ дорогихъ шелковыхъ матерій, лежало маленькое улыбавшееся существо. Это была ея дочь. Королева глядѣла на нее и глубокая тоска закрадывалась ей въ сердце.

Отчего-же такая тоска? Оттого, что король, ея мужъ, воевавшій съ сосѣдями, не пощадилъ того лѣса, въ которомъ жили добрыя феи, и вырубилъ его. Феи лишились своего жилища, остались безъ своихъ любимыхъ деревьевъ и ручейковъ и обидѣлись на короля. Когда родилась у него дочь, онѣ не пришли къ ея колыбели и не пожелали ей счастья. Онѣ обездолили ее. Теперь она должна была рости некрасивой и злой и королева знала это и горько плакала.

Но вдругъ послышался чей-то нѣжный пріятный голосъ: — Не плачьте! Все устроится и будетъ хорошо!

Королева вздрогнула и поднявъ глаза, увидѣла передъ собою молодую, улыбающуюся дѣвушку. Незнакомка была стройна, проста и одѣта въ платье безъ всякихъ драгоценностей и безъ живыхъ цвѣтовъ и травъ, которыми любятъ украшать себя феи. Ея глаза свѣтились пріятностью и добротой. Въ рукахъ она держала зеркальце.

— Я не могу дать принцессѣ тѣхъ блестящихъ даровъ, о которыхъ вы плачете, сказала она, — но за то я подарю ей вотъ это зеркальце. Пусть она почаще гля-

дится въ него, — и она будетъ доброй. А это все, что нужно для человѣка.

— Но будетъ-ли она красивой и богатой? спросила фея королева.

— Принцесса будетъ доброй, отвѣчала она, — а это все, что нужно для человѣка.

И не дожидаясь благодарности королевы, она положила къ ней на колѣни волшебное зеркало и исчезла.

Когда принцессѣ исполнилось семь лѣтъ, то королева отдала ей чудесное зеркало.

— Возьми его, сказала она. — Это подарокъ какой-то доброй феи. Смотри въ него каждый день.

Въ семь лѣтъ принцесса не отличалась отъ своихъ сверстницъ ничѣмъ: ни хорошимъ, ни дурнымъ. Отъ природы она была добра и любила свою мать, но какіе-то странные приступы гнѣва овладѣвали ею всякій разъ, когда что нибудь дѣлалось не по ней, и какое-то необъяснимое высокомеріе наполняло ея душу, когда она разговаривала съ прислугой или съ дѣтьми моложе себя. Это удручало ея мать.

Однажды принцесса проснулась отъ побѣдныхъ звуковъ трубъ ея отца. Няня сообщила ей, что, это возвращается съ войны ея отецъ и ведетъ съ собою много плѣнныхъ.

— Смотри! указала она ей въ окно. — Между плѣнными идетъ маленькій мальчикъ. Это сынъ побѣжденнаго короля. Бѣдняжка плачетъ. Онъ блѣденъ и раздѣтъ. Теперь онъ сирота. Ему столько же лѣтъ, сколько и тебѣ, моя крошка.

Принцесса быстро одѣлась, привѣсила къ поясу на золотой цѣ-

почкѣ волшебное зеркало и побѣжала на встрѣчу къ отцу.

Королева была уже на дворѣ. Не смотря на то, что она была опечалена при видѣ плѣнныхъ, она все-таки улыбалась, видя, что вернулся невредимымъ ея король. Онъ привезъ ей дорогіе подарки и она была очень довольна.

— А мнѣ, папа, ты привезъ что-нибудь? спросила его принцесса.

— Для тебя, моя милая дочурка, отвѣчалъ король, — я привезъ живую игрушку!

И обернувшись къ одному изъ свиты, онъ приказалъ:—

— Приведите сюда принца Лео!

Царедворецъ тотчасъ-же вернулся, толкая впереди себя худенькаго мальчика лѣтъ восьми или девяти, блѣднаго и съезжившагося отъ страха, но съ благороднымъ выраженіемъ лица.

— Вотъ тебѣ подарокъ! обратился король къ принцессѣ. — Это сынъ побѣжденнаго мною короля. Нѣтъ болѣе принца Лео: теперь онъ — рабъ Лео!.. Слышишь, Лео? Теперь ты рабъ моей дочери. Все, что она прикажетъ, ты обязанъ исполнять. Становись передъ нею на колѣни! Становись-же, когда тебѣ говорятъ! Клянись своей госпожѣ, что ты будешь ея вѣрнымъ рабомъ!

Конюхъ толкнулъ бѣднаго маленькаго принца почти къ самымъ ногамъ принцессы и заставилъ его повторить за нимъ какія-то слова. Сердце дѣвочки наполнилось гордостью и тщеславіемъ: теперь у нея былъ свой рабъ, теперь она можетъ дѣлать съ нимъ, что хочетъ, и можетъ заставить его исполнять малѣйшій ея капризъ. И вмѣсто

того, чтобы пожалѣть его, попросить за него своего отца, вымолить у него для мальчика свободу, она обрадовалась его неволѣ и не безъ удовольствия собой поглядѣлась въ зеркало. Въ немъ отразилось чье-то некрасивое, злобное лицо и испугало собой принцессу; она бросила зеркало и опустила глаза.

— Возьми его себѣ, продолжалъ король. — Это твое добро, твоя вещь; теперь его обязанность состоятъ только въ томъ, чтобы забавлять тебя.

Дѣвочка приказала Лео слѣдовать за собою.

— Будь къ нему добра и сострадательна! чуть слышно проговорила ей вслѣдъ мать.

Когда дѣти остались одни на мраморной галлерей, гдѣ обыкновенно играла маленькая принцесса, то мальчикъ остановился и перевелъ духъ: онъ очень усталъ. Ему хотѣлось ѣсть, но ему неловко было спросить, хотѣлось ласки матери и няни, которыхъ онъ лишился такъ неожиданно и грубо, и онъ озирался по сторонамъ, точно каждую минуту ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ его окликнуть и онъ услышитъ знакомый голосъ.

— У тебя есть отецъ? спросила его принцесса.

— Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ. — Его убили на прошлой недѣли въ сраженіи!

— А мать?

Глаза Лео наполнились слезами.

— Бѣдная мама! сказалъ онъ. — Теперь она будетъ скучать безъ меня!..

И онъ горько заплакалъ.

При видѣ этой скорби, маленькая принцесса нѣкоторое время молчала. Затѣмъ крупныя слезы по-

катились и у нея по лицу. Лео поднялъ глаза, увидѣлъ, что плачетъ и она и обнялъ ее за шею.

— У меня есть маленькая сестра, похожая на васъ... сказалъ онъ.— Когда она плачетъ, то я всякій разъ вытираю ей слезы.

И онъ вытеръ слезы и ей своими грязными кулачками. Боясь, что онъ оставилъ на ея лицѣ пятна, она поглядѣлась въ зеркало. Кто-то добрый, похожій на ея мать, поглядѣлъ на нее оттуда и улыбнулся ей. Ей стало пріятно.

Съ той поры принцесса и Лео стали друзьями. Король почти тотчасъ-же опять двинулся на войну, а королева все время думая о томъ, какъ должна была страдать безъ Лео его мать, старалась быть нѣжной и предупредительной къ плѣнному мальчику.

Принцесса и Лео стали неразлучны. Были приглашены самые лучшіе учителя и дѣти учились вмѣстѣ. Однажды королева пожелала присутствовать на урокъ. Немного разсѣянная, принцесса дурно отвѣчала на нѣкоторые вопросы. Всегда снисходительная, королева не сдѣлала ей ни одного упрека. Но когда Лео отвѣтилъ на всѣ вопросы учителя, то королева привлекла его къ себѣ, поцѣловала нѣжно, по матерински, и похвалила его.

Кровь прилила принцессѣ къ сердцу. Зависть и нѣчто вродѣ ненависти къ мальчику вдругъ закопошились въ ея душѣ, точно змѣи, и она перестала совсѣмъ отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы и по окончаніи урока грубо оттолкнула отъ себя подошедшаго къ ней Лео и убѣжала въ свою комнату.

— Я ему этого не прощу! шептала она.—Онъ мой рабъ, онъ не смѣетъ учиться лучше меня! Возвратится папа—и я пожалуюсь ему на него и попрошу его наказать!

И она какъ-то нечаянно заглянула на себя въ зеркало. О, ужасъ! Вмѣсто всегда розовенькаго, милovidнаго личика, она увидѣла въ немъ искаженное злобою лицо съ злыми глазами и побѣлѣвшими отъ ненависти губами.

— Неужели это я? испугалась она.

И ей стало стыдно самой себя, чувство порядочности заговорило въ ней, она задумалась и стала плакать. Слезы падали прямо на зеркало и заволакивали собою отразившійся въ немъ уродливый образъ. Принцесса успокоилась, отерла зеркало и вдругъ увидѣла въ немъ себя такую, какою была всегда: розовенькимъ, милovidнымъ ребенкомъ.

— Не буду больше злиться никогда! проговорила она и вышла изъ комнаты.

Полчаса спустя, она уже весело играла съ Лео и ихъ голоса, точно щебетанье неугомонныхъ воробьевъ, стали раздаваться по саду.

Увы! Бѣдная, маленькая принцесса! Зачѣмъ она не сдержала своего слова?

Нѣсколько дней спустя послѣ описанной сцены, принцесса и Лео обсуждали какую-то игру и ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступать другому. Принцесса вспылила и ударила Лео хлыстомъ. Онъ взвизнулъ.

— Ты моложе меня! крикнула она.—Ты долженъ во всемъ мнѣ уступать! Къ тому-же ты—мой рабъ!

При словѣ „рабъ“ Лео поблѣднѣлъ. Онъ уже позабылъ, благодаря ласкѣ королевы, что былъ безправнымъ существомъ. Теперь онъ вспомнилъ это и, пересиливъ боль скромно опустилъ глаза.

— Прости меня... сказалъ онъ.— Я больше не буду никогда.

Она оттолкнула его отъ себя.

— Уйди! крикнула она.—Теперь я никогда больше не буду съ тобой играть!

Если-бы она посоветовалась со своимъ зеркаломъ и увидѣла-бы въ немъ свое отраженіе, то ее охватилъ-бы ужасъ. Но она знала заранѣе, что увидитъ въ немъ уродливое, злобное лицо, и нарочно завернула его въ платокъ и засунула подальше. Съ этихъ поръ она уже не заглядывала въ него, стала чувствовать въ себѣ жестокость и грубо держала себя съ Лео. Онъ никогда не жаловался на нее королевѣ, молча сносилъ ея обиды и иногда ласково заговаривалъ съ ней. Но дурныя качества разрослись въ ея душѣ съ быстротою сорныхъ травъ, закрытое платкомъ зеркало лежало гдѣ-то далеко въ углу и для бѣднаго, плѣннаго Лео наступили тяжелые дни.

— Я не люблю тебя! часто, говорила ему принцесса.—Я попрошу папу, чтобы онъ тебя кому-нибудь продалъ!

Однажды Лео вышелъ на балконъ и сталъ смотрѣть на распустившіяся цвѣты. Онъ соскучился по матери и по папѣ, думалъ о нихъ, и ему казалось, что отъ цвѣтовъ пахло такъ-же, какъ и отъ его матери, и это еще больше заставляло его думать о ней.

— Иди сюда! крикнула ему принцесса.

Мальчикъ перегнулся черезъ перила и не слышалъ. Тогда дѣвочка подбѣжала къ нему и такъ грубо дернула его назадъ, что онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ затылкомъ прямо о мраморный полъ. Онъ не издалъ даже звука. Королева вышла изъ-за драпировки, взяла ребенка на руки и, не взглянувъ даже на дочь, окаменѣвшую отъ ужаса при видѣ крови, струившейся у принца по волосамъ, унесла его къ себѣ и тамъ окружила заботами, какъ родного сына.

— Боже мой, что я сдѣлала? спохватилась вдругъ принцесса.— Кажется, я ему сдѣлала больно?..

И въ первый разъ за эти дни въ ея душѣ шевельнулось вдругъ раскаяніе и ея сердце наполнила жалость къ одинокому, плѣнному мальчику, обращенному въ раба и не имѣвшему права заступиться за себя самому.

— Что я надѣлала? воскликнула она.—Вѣдь это нехорошо, это жестоко!.. Зачѣмъ я такая бездушная, злая? Зачѣмъ я не могу владѣть собой и такъ нехорошо обращаюсь съ этимъ мальчикомъ, который слабѣе и моложе меня?

И схватившись обѣими руками за виски, она съ громкимъ, визгливымъ плачемъ побѣжала къ себѣ въ комнату. Теперь она ненавидѣла себя, ей хотѣлось громко жаловаться, плакать, говорить всѣмъ, что она вовсе не такая злая, какую кажется всегда, что она могла-бы быть доброй и снисходительной, если-бы у нея было хоть немножко больше воли надъ собой и если-бы она умѣла во вре-

мя подавить тѣ вспышки гнѣва, которыя овладѣвали всякій разъ ея душой. Нѣтъ, она напряжетъ теперь всѣ свои силы, она будетъ теперь слѣдить за каждымъ своимъ поступкомъ и не дастъ этой сорной травѣ заглушить лучшіе, душистые цвѣты въ ея душѣ и не позволитъ дурнымъ порывамъ восторжествовать надъ ея врожденной, материнской добротой. Довольно! Она достанетъ сейчасъ свое зеркало, сниметъ съ него платокъ и смѣло взглянетъ на свое отраженіе! Какъ-бы ни было сейчасъ дурно выраженіе ея лица, какъ-бы ни исказили его ненависть и высокомеріе, она постарается принять себѣ это за урокъ и уже больше никогда не позволитъ себѣ поступать такъ, какъ поступала до сихъ поръ! Точно сладчайшая музыка, точно великолѣпный, душистый медъ или запахъ сирени или отдаленный крикъ возвращавшихся на родину журавлей, раскаяніе тонкой струйкой влилось ей въ самое сердце и она вдругъ почувствовала себя совершенно другой, такою-же, какъ и всѣ, и все какъ-то сразу, вдругъ, для нея переѣнилось и приняло новыя формы и новое значеніе, какихъ она раньше не замѣчала.

И она вбѣжала къ себѣ въ комнату и схватилась за зеркало. Сдернувъ съ него покрывало, она заглянула въ него и вдругъ увидела въ немъ весь міръ, всѣхъ людей и бѣдныхъ и богатыхъ, и здоровыхъ, и больныхъ. И всѣ они показались ей равными между собою и дорогими для нея и близкими ея сердцу и ей стало дико и странно, что она раньше

считала себя выше всѣхъ и все на свѣтѣ созданнымъ только для нея одной.

Кто-то тихонько кашлянулъ позади нея. Она думала, что это ея мать, и обернулась. Но позади нея оказалась какая-то незнакомая женщина. Она молча взяла у нея изъ рукъ зеркало и спрятала его къ себѣ въ складки своего бѣлаго, скромнаго платья.

— Дай его сюда, ласково сказала она. — Больше оно тебѣ не нужно! Ты раскаялась и теперь будешь такою-же, какъ и всѣ.

— Кто ты? спросила ее принцесса.

— Я—Совѣсть, отвѣтила женщина.—Я та самая фея, которая когда-то принесла тебѣ это зеркало.

— Что-же я теперь должна дѣлать?

Фея подвела ее къ окошку и показала ей на развертывавшійся передъ нею большой, шумный городъ. Точно въ муравейникѣ вездѣ и впередъ копошились люди, ѣхали экипажи и кругомъ текла трудовая, тяжелая жизнь.

— Ты должна жить для всѣхъ этихъ людей, сказала она.—Ты должна относиться къ Лео, какъ къ родному брату, и замѣнить ему сестру. Въ богатствѣ, въ бѣдности, въ счастьѣ, въ несчастьѣ, въ здоровьѣ, въ болѣзни,—пока не разлучитъ васъ смерть.

И фея—исчезла.

Принцесса оглянулась по сторонамъ и вдругъ почувствовала въ себѣ приливъ новой жизни. Въ ней заговорила совѣсть, это сдѣлало ее лучшей, чѣмъ она была до сихъ поръ, и, вѣв себя отъ радости, она побѣжала въ спальню

къ матери, бросилась къ ней на шею и плакала, плакала безъ конца. А потомъ, наплакавшись досыта, она подошла къ Лео и крѣпко его обняла. Онъ сидѣлъ, блѣдный, на кровати и радостно ей улыбался.

„Въ богатствѣ, въ бѣдности. шептала она,—въ счастьѣ, въ несчастьѣ,—пока не разлучить насъ смерть!“

И, взявшись за руки, они весело побѣжали въ садъ и еще долго слышались оттуда ихъ радостные, серебряные голоса.

.....

Дядя Коля кончилъ. Попржежнему мама играла въ домѣ на рояли, еще громче кричали лягушки, но теперъ уже луна поднялась

высоко и по всему парку потянулся аромать отъ цвѣтовъ.

— Вотъ-бы намъ съ Борей такія зеркала! вздохнула Надя. — Тогда-бы мы не ссорились больше никогда!..

— Они у васъ есть, сказалъ ей дядя.—Эти зеркала—ваша совесть. Каждый разъ какъ вы совершаете какой-нибудь поступокъ, вашъ ангель-хранитель подноситъ ихъ къ вашимъ глазамъ, чтобы вы могли увидѣть въ нихъ себя такими, каковы вы есть...

Надя притянула Борю къ себѣ, обняла его и крѣпко поцѣловала. Затѣмъ они, какъ и маленькая принцесса и Лео, взяли за руки и побѣжали вмѣстѣ играть. Дядя зажегъ свѣчу, поднялъ газету и сталъ ее читать.

А. Е.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія двухъ словъ поставлены рядомъ и, оба вмѣстѣ, содержатъ въ себѣ 14 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14.

Буквы 1. 5. 8. 9. 7. 11. 5. означаютъ лакомство, 4. 10. 3. 4. 5.—домашнее хищное животное, 8. 9. 2. 11. 14.—мебель, 11, 7. 8. 9. 14.—то, что бываетъ на деревьяхъ и въ стопѣ бумаги, 4. 2. 3. 5. 4. 14.—часть одежды, 6. 10. 9. 10. 11. 10. 4. 14.—часть жилища, 4. 11. 10. 6. 14.—неприятное насѣкомое, 13. 2. 11. 2. 6. 14.—простонародную одежду, 4. 10. 13. 11. 12. 9. 5.—кушанье, 4. 2. 11. 7. 4. 14.—болотную птицу, 3. 4. 5. 9. 2. 11. 4.

5.—предметъ для храненія вещей, 8. 5. 11. 5. 13. 14.—огородное растеніе, 11. 10. 1. 5. 13. 5.—огородный инструментъ, 3. 4. 10. 11. 5.—учрежденіе, необходимое для всѣхъ, 1. 5. 11. 5. 9. 4. 5.—жилище изъ холста, 8. 9. 12. 4. 11. 10.—принадлежность окна.

Найти всѣ эти слова и два задуманные слова, которыя означаютъ предметы, употребляющіеся на войнѣ.

II.

Шуточные вопросы: 1) Въ чемъ заключается содержаніе „Робинзона Крузо“?

2) Зачѣмъ живутъ на свѣтѣ свиньи?

Ребусъ № 3.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

3) Изъ чего видно, что въ Петербургѣ ходятъ по улицамъ именно вагоны трамвая, а не мужицкія телѣги?

(предложилъ Витя Семеновъ).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 1 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., Сонъ, огни, срубъ, накатъ и актеръ=сосна. II., ...ку+ница (куница), ...кры+са (крыса), ...гіе+на (гіена), ...горно+стай (горностай), ...олень. III., По рельсамъ, по воздуху, за рѣшотками, потому что билетовъ не даютъ даромъ. IV., вырокъ, рынокъ, ножъ, жиръ, рыжикъ, коврикъ, книжникъ, вино, крикъ. Задуманное слово—Крыжовникъ. V., Мизинець, Сѣно, Трехого=Миногоа.

Ребусъ № 1: У+ре+ки+на+го+рѣпа+с+лось+лѣ+томъ+ста+до=У рѣки на горѣ паслось лѣтнее стадо.

Вѣрныя рѣшенія до выхода въ свѣтъ № 3. «Золотого Дѣтства» прислали: Е. Концевичъ изъ Мосальска, Коля и Ваня Бѣльченко изъ Перемышля, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Оля Каховская изъ Брянска, Зоя Панавашкина изъ Брянска, Толя Охотникъ изъ Ухолова, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе, Розалія Эрлихъ изъ Радзивиллова, Лилия и Ватя Д. изъ Вильны, Воля Каневскій въ СПБ., Оеклуша Эпштейнъ,

Юра Шталь изъ Лодзи, Костя, Юзя и Шура Гонсеровскіе изъ Рославля, Толя и Саша Стратонскіе изъ Нѣжина, Володя Бугославскій изъ Стародуба, Вандочка, Стасикъ и Эдаикъ Маньковскіе изъ Тирасполя, Сережа Зоновъ изъ Петергофа, Галя Гнетнева изъ Ельца, Ксеничка Цетреусъ, М. Брамсонъ въ СПБ., Н. Рафановичъ изъ Свѣаборга, Борисъ М., Шура Любимовъ, Шура Ковачевичъ изъ Барвенкова, Валя Ведерникова изъ Твери, Эся, Катя и Витя Номакштейнскіе изъ Харькова, Груня Волинкина изъ М. Вишеры, Вѣра Коломацкая изъ Авдѣевки, Толя Сидоренко изъ Симферополя, Коля Монастырскій и его сестра Зина, Шура Остапова изъ Харькова, Володя Редеръ изъ Раменья, Соня и Катя Батюшковы, Серафимъ Важинскій изъ Бессарабіи; Оська и Додька Вапштейнъ, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Александръ Левицкій изъ Уфы, Степа Милицинъ изъ Челябинска, Антонина Балашова изъ Сестрорѣцка, Ларя Чумакова, Володя Дьяконовъ въ СПБ., Тая и Воля Коневскіе въ СПБ., Мушка и Шуркаша, Лидочка Юдина изъ Бѣжицка, А. Катковъ изъ Саратовъ, Люся Шапка, Лида и Таня Цакони изъ Осы, Жоржикъ Макаревичъ, Варя Наумова въ СПБ. Ларисса Чумакова, Маргитъ и Ингеборгъ Галль въ СПБ., А. П. Миткевичъ изъ Турова, Лева Зайцевъ изъ Моршанска, Миня Муравьевъ со ст. Тихорѣцкая, Рая, Степа и Петя изъ Черикова, Михаилъ Брамсонъ, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе въ СПБ., Н. и А. Масловы, Варя Наумова въ СПБ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

Годъ 6-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1913 годъ

**на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).**

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← † † Подписной годъ съ 1-го Ноября. † † →

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

— „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. —

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„Алиса въ волшебной странѣ“.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.